

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://studservis.ru/gotovye-raboty/kursovaya-rabota/107413>

Тип работы: Курсовая работа

Предмет: Социологическое исследование

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1 «Места памяти» в концепции П. Нора 5

1.1 Актуальность концепции национальной памяти 5

1.2 Определение и специфика теории «мест памяти» 8

Глава 2 Противоречие в истории и память. Идентичность 13

2.1 Противоречие между долгом памяти и потребностью в забвении: примеры П. Нора 13

2.2 Национальная идентичность и патриотизм. Передача исторических знаний 16

Заключение 21

Список используемой литературы 25

эксклюзивную от «исторической памяти» как саморефлектирующей, манипулятивной и инклюзивной. «Историческая память», творимая, главным образом, профессиональными историками и соответствующая современному рационализированному и охваченному массовыми коммуникациями обществу, отрывает прошлое от локальной, даже домашней, преемственности, поддерживаемой личными человеческими связями. Согласно логике Хальбвакса-Нора, индустриальное общество замещает живую коллективную память искусственной историей, создающей некую квазипамять: на место *milieux de mémoire*, дышащих теплотой традиции, приходит холодный блеск *lieux de mémoire* [6, с. 28]. Различие двух видов памяти понятно, но тогда встает вопрос, каким моментом надо датировать их смену. Простой ответ подразумевал бы: концом XVIII в., когда в горниле Великой Французской революции родилась французская гражданская нация. Однако, как выяснилось в исследовании конкретных «мест памяти» Франции, ряд из них сформировался и существовал в том или ином виде гораздо раньше [6, с. 225-227]. Это обстоятельство заставило Нора представить смену двух видов памяти как длительный процесс, понимая, соответственно, и процесс формирования нации «растянутым» на несколько веков и относя его начало к позднему Средневековью. Он выделяет несколько периодов формирования национальной (исторической, современной) памяти с соответствующими «типами»: королевская память (фактически династическая, на этапе феодальной монархии XV-XVI вв.), память-государство (абсолютная монархия XVII-XVIII вв.), память-нация (революционная эпоха конца XVIII-XIX в.), память-гражданин (Республика конца XIX-XX в.). На современном этапе, по мнению Нора, речь идет об образовании памяти-наследия, преодолевающей национализм в смысле шовинизма [6, с. 51]. При этом о судьбе традиционной «коллективной» памяти, которая, выходит, лишь постепенно вытеснялась «национальной» памятью (и должна была, видимо, находиться в каком-то взаимодействии или конфликте с последней), по сути, ничего в издании не говорилось.

Этот разрыв в рассуждениях Нора между изначальным определением общего характера, имеющим в виду «некоторую общность», и реальной нацеленностью именно на современные исторические символику и мифологию, конструирующие национальную идентичность французов, не остался незамеченным.

Критики указывали на то, что разные коллективы / общности (совсем не обязательно совпадающие с нациями) могли иметь разные «места памяти». Неправильно было бы противопоставлять память и историю (историческую память) как исключаящие друг друга типы историко-коммеморативного сознания: как было показано специальными исследованиями, оба типа могли сосуществовать, причем в весьма древние эпохи. Например, медиевисты знают немало средневековых текстов и нацеленных на рациональное познание прошлого, и открытых влияниям и интерпретациям, конструктивных и манипулятивных, подобных современным историческим нарративам [7, р. 1-5]. Историки доиндустриальных обществ, имея дело с другими проблемами (изобретение письменности, канон и ритуал как гаранты преемственности и др.), прибегают, скорее, к более общим понятиям – «культурная память» [8] и «социальная память» [9],

подразумеваемая «национальную память» лишь одним из ее видов. Но данная критика не беспочвенна. И она заставляет обратиться к базовому определению «мест памяти», данному самим же Нора, не настаивая на непереносимости их связи с современным национальным сознанием. Некие «материально-идеальные» символические объекты, которые служили определенной коллективной идентичности, можно найти в разных обществах, обладавших достаточно развитой письменной исторической традицией. И не всякий раз, когда обнаруживается такой объект, можно вести речь о нации. Другое дело, что все-таки «места памяти» современных наций ярче выделяются и их значение для утверждения и подтверждения коллективной идентичности особенно велико. Нора и сотрудники его издания, несомненно, правы в том, что эти «места памяти» обладают особой эрзац-функцией: они заменяют свойственное традиционным обществам религиозное обоснование важнейших структурных элементов коллективной памяти. В условиях «расколдованного мира» нация становится идеальной ценностью *per se*, и память о ее прошлом, тщательно фиксируемая творцами национального дискурса, заменяет (или стремится к тому, чтобы заменить) память, ориентированную на малые коллективы и иррациональные ценности.

В этом смысле проект «Места памяти» вполне соответствует тем ставшим уже классическими исследованиям современных наций и национализмов, которые выделяют в последних два основополагающих принципа – секуляризованное сознание («индустриальная высокая культура», по выражению Э. Геллнера) и гражданское (политическое) участие всех членов нации (в идеале равноправных) [10].

Современные нации обладают своей специфической внерелигиозной «мифомоторикой» [11], построенной, как правило, на сочетании политических и этнических идентичностей, и «места памяти» надо понимать как один из ее механизмов, отвечающих за осмысление прошлого.

Через призму «мест памяти» Нора и его сотрудники показали, как в отсутствие сакральных ценностей прошлое становится важнейшим фактором интеграции и вокруг него создается идеальное символически-ритуализованное (квазисакрализованное) пространство – некие узлы, или сгустки, национальной мифологии.

Таким образом, современные исследования заставляют оценивать идеи П. Нора и его коллег с некоторым «острашением», но позволяют использовать его центральное понятие – «места памяти».

Это понятие можно применять к разным историко-коммеморативным системам, обладающим развитой символикой, в том числе и домодерным. Однако исходить следует из того, что наибольшее значение «места памяти» получают именно в рамках современного национального сознания.

Глава 2 Противоречие в истории и память. Идентичность

2.1 Противоречие между долгом памяти и потребностью в забвении: примеры П. Нора

Возьмем пример Катыни: несовместимые позиции, невероятная историческая ложь и, наконец, долгожданная правда. Понадобилось немало времени, чтобы она смогла выйти на свет. И если встреча В. Путина с ныне покойным президентом Польши Л. Качиньским в Катыни была возможной, то это – результат огромной работы историков. Фактор времени, конечно, тоже сыграл немаловажную роль, политические заявления, т.е. высказывания людей, облеченных политической властью. В конечном счете, только политики могут дать ответ на всевозможные требования, связанные с преодолением прошлого. Во-первых, дав возможность историкам делать их работу, что уже немало, по крайней мере, не препятствовать им в этом. И во-вторых, если они обладают необходимым для этого моральным авторитетом, направлять определенным образом коллективную память [12].

Обязанность политиков – президента или парламента – задать определенные рамки, общее направление, отдать должное жертвам, в некоторых случаях, возможно, возместить им нанесенный ущерб установить перечень государственных праздников и памятных дней, организовать ритуальные акции.

Нужно, чтобы политики старались прислушиваться к историкам.

Возьмем пример из французской жизни. История, связанная с именем Ги Моке. Президент Н. Саркози в день своей инаугурации потребовал, чтобы отныне во всех школах Франции в первый день нового учебного года в обязательном порядке учащиеся читали предсмертное письмо Ги Моке, напоминая им тем самым о подвиге борцов Сопротивления в годы Второй мировой войны. Это очень показательная, хотя на первый взгляд и малозначительная история. Прежде всего, налицо явная историческая ошибка. Ги Моке не был участником Сопротивления. Он был арестован французскими властями как коммунист, как сын коммуниста, который добивался освобождения отца, депутата от Коммунистической партии, оказавшегося в тюрьме после заключения пакта Молотова – Риббентропа за сочувствие СССР. К тому же в момент ареста при нем находились листовки, направленные против Великобритании, против Де Голля, против евреев.

Но пока Ги Моке находился в тюрьме, Франция была оккупирована фашистами, и умер он, действительно, как участник сопротивления, казненный эсэсовцами.

Кроме того, очень похоже, что знаменитое письмо было написано под диктовку кого-то из старших товарищей – коммунистов, находившихся с ним в одной камере, и изначально предназначалось для истории. Во всяком случае, записка, написанная им другу несколько часов спустя, резко отличается по стилю и выдает сильнейшее эмоциональное переживание, вполне естественное для шестнадцатилетнего юноши, который знает, что должен умереть, и не хочет умирать. Мы знаем, что коммунисты устраивали манипуляции с памятью.

Задача историков – дать оценку этому письму. А задача политиков как раз и состоит в том, чтобы следить за соблюдением этого права [12].

Следующий пример рассмотрим на примере России.

С помощью комиссии, которую попытался создать Д. Медведев, предпринималась попытка навязать официальную историческую истину в противовес альтернативным версиям (насколько они правдивы – это еще вопрос), разрабатываемым в новых независимых государствах, входивших прежде в состав СССР. Во Франции, напротив, определенные группы пытаются навязать свою версию истории, противоречащую коллективной памяти большинства нации, обвиняя ее в перегибах. Совершенно очевидно, например, что история колонизации была ложью со стороны власти, она была даже в большей мере, чем думают сами бывшие колонизованные, написана от лица колонизаторов, написана историками, принадлежавшими к миру колонизаторов. Сегодня многие хотели бы, чтобы история меньшинств заняла подобающее ей место. Хороший пример – это проблема региональных языков во Франции. Сегодня наблюдается их возрождение. Для тех, кто живет в Бретани, Эльзасе или на Корсике, этот процесс очень важен, поскольку речь идет о сохранении языков, которые постепенно, после революции 1789 г., были вытеснены французским. Региональные языки рассматривались как грубые местные наречия, подлежащие искоренению. Однако защитники французского языка считают попытки возрождения региональных языков искусственными. Речь не идет о том, чтобы их запрещать, они даже получили государственную поддержку благодаря их включению в систему образования, но недопустимо и навязывать их употребление, поскольку на национальном уровне они не имеют законного статуса. Эти две противоположные точки зрения проявились в ходе конституционной реформы в 2008 г.

Борьба за региональные языки ведется непрерывно уже на протяжении как минимум 20 лет, они, кстати, получили признание на европейском уровне, благодаря принятию Европейской хартии о региональных языках

Правда, Франция до сих пор не ратифицировала эту хартию. В ходе конституционной реформы региональные ассоциации организовали мощное давление на парламентариев, с тем чтобы добиться, как минимум, включения в текст Конституции фразы о том, что региональные языки составляют часть национального достояния. Причем они хотели, чтобы эта фраза была включена в текст ст. 2, которая гласит: «Государственным языком Республики является французский язык». Точка. Но вместо этой точки они предлагали поставить запятую и продолжить: «региональные языки составляют часть национального достояния». Но что означает: «часть национального достояния»? Национальная кухня, например, тоже является частью национального достояния. Значит, в этой фразе был заключен некий особый смысл, некое противопоставление региональных языков государственному. Разгорелся конфликт, в котором ни одной из сторон не удалось одержать полную победу. Региональные ассоциации добились включения в текст Конституции фразы о региональных языках, и в этом

Список используемой литературы

- 1) Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: Учеб. пособие. СПб., 2019.
- 2) Нора П. [и др.]. Франция-Память / Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. / пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб., 1999.
- 3) Les sites de la mémoire russe. T. 1: Géographie de la mémoire russe /éd.G. Nivat. Paris, 2007
- 4) Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: чьи места? чья память? // AblImperio. 2004. №
- 5) Нора П. Как писать историю Франции //Нора П. Франция-Память.
- 6) Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти //Нора П. Франция-Память.
- 7) Pohl W., Wood I. Introduction: Cultural Memory and the Resources of thePast // The Resources of the Past in Early Medieval Europe / ed. C. Gantner, R.McKitterick, S. Meeder. Cambridge, 2015. P. 1-5
- 8) Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.
- 9) Fentress J., Wickham Ch. Social Memory. Oxford, 1992.
- 10) Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И.

Крупника. М., 1991. С. 284–289

11) Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Gloucester, 1986. P. 15, 57 et seq

12) Интервью с П. Нора//Этнографическое обозрение № 4, 2011. С. 76-84

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://studservis.ru/gotovye-raboty/kurovaya-rabota/107413>